

ВЛАДИМИР
ДАЛЬ

Пословицы и поговорки
русского народа

МОСКВА
2024

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Д15

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы
фрагменты работы художника *Елизаветы Бём*

Даль, Владимир Иванович.

Д15 Пословицы и поговорки русского народа / Владимир Даль. — Москва : Эксмо, 2026. — 640 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-204203-4

Владимир Иванович Даль (1801—1872) — русский писатель, лексикограф, этнограф. Еще в молодости он обратил внимание на разницу между речью образованных людей и простого народа и начал собирать народные слова и выражения, стараясь выяснить их происхождение. Итогом почти пятидесятилетнего труда стал сборник, уникальный и, пожалуй, до сих пор единственный в своем роде по объему и разнообразию материала: в него вошли пословицы и поговорки русского народа, скороговорки, приметы, загадки.

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-04-204203-4

© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2026

Напутное

«Будет ли, не будет ли когда напечатан сборник этот, с которым собиратель пестовался век свой, но, расставаясь с ним, как бы с делом конченным, не хочется покинуть его без напутного словечка».

Вступление это написалось в 1853 году, когда окончена была разборка пословиц; пусть же оно остается и ныне, когда судьба сборника решилась и он напечатан.

По заведенному порядку, следовало бы пуститься в розыск: что такое пословица; откуда она взялась и к чему пригодна; когда и какие издания пословиц у нас выходили; каковы они; какими источниками пользовался нынешний собиратель. Ученые ссылки могли бы подкрасить дело, потому что, кажется, уже Аристотель дал определение пословицы.

Но всего этого здесь найдется разве только весьма по-немногу.

Ученые определения ныне мало в ходу, век школярства прошел, хотя мы все еще не можем стряхнуть с себя лохмотьев степенной хламиды его.

Времена, когда объясняли во введении пользу науки или знания, коему книга посвящалась, также миновали; ныне верят тому, что всякий добросовестный труд полезен и что пользе этой рассказными не подспоришь.

Ученые розыски, старина, сравнения с другими славянскими наречиями — все это не по силам собирателю.

Разбор и оценка других изданий должны бы кончиться прямым или косвенным скромным признанием, что наше всех лучше.

Источниками же или запасом для сборника служили: два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и — главнейше — *живой русский язык*, а более *речь народа*.

Ни в какую старину я не вдавался, древних рукописей не разбирал, а вошедшая в этот сборник старина попала туда из печатных же сборников. Одну только старую рукопись я просматривал и взял из нее то, что могло бы и ныне идти за поговорку или поговорку; эта рукопись была подарена мне гр. Дм. Ник. Толстым, мною отдана М. П. Погодину, а оттуда она целиком напечатана, в виде прибавления, при сборнике пословиц И. М. Снегирева.

При сем случае я должен сказать душевное спасибо всем добродетельным дателям, помощникам и пособникам; называть никого не смею, боясь, по запоминанию, слишком многих пропустить, но не могу не назвать с признательностью гр. Дм. Ник. Толстого, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева.

Когда сборник последнего вышел, то мой был уже отчасти подобран; я сличил его издание со сборником Княжевича и попользовался тем, чего не было там и не нашлось у меня и что притом, по крайнему разумению моему, можно и должно было принять.

В собрании Княжевича (1822 г.) всего 5300 (с десятками) пословиц; к ним прибавлено И. М. Снегиревым до 4000; из всего этого числа мною устранено вовсе или не принято в том виде, как они напечатаны, до 3500; вообще же из книг или печати взято мною едва ли более 6000, или около *пятой доли* моего сборника. Остальные взяты из частных записок и собраны по наслуху, в устной беседе.

При этом сличении и выборе не раз нападали на меня робость и сомнение. Что ни говорите, а в браковке этой произвола не миновать, а упрека в ней и подавно. Нельзя перепечатывать слепо всего того, что, под названием пословиц; было напечатано; искажения, то умничаньем, то от недоразумений, то просто описками и опечатками, не в меру безобразны. В иных случаях ошибки эти явны, и если такая пословица доставалась мне в подлинном виде своем, то поправка или выбор не затрудняли; но беда та, что я не мог ограничиться этими случаями, а должен был решиться на что-нибудь и относительно тех *тысяч* пословиц, для исправления коих у меня не было верных данных, а выкинуть их вон — не значило бы *исправить*.

Не поняв пословицы, как это нередко случается, считаешь ее бессмыслицей, полагаешь, что она придумана кем-либо для шуток или искажена неисправимо, и не решаешься принять ее; *ан дело право, только смотри прямо*. После нескольких подобных случаев или открытий поневоле оробеешь, подумаешь: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник*, а *сборник*» и начинаешь опять собирать и размещать все сподряд; пусть будет лишнее, пусть рассудят и разберут другие; но тогда вдруг натыкаешься на *строчки* вроде следующих:

Всем известно, что лукавые живут лестно.

В суетах прошла година, завсегда была кручина.

Где любовь нелицемерная, там надежда верная.

Роскошные и скупые меры довольства не знают.

Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ невдалече.

Прежде смерти не должно умирать и пр. и пр.

Что прикажете делать с подобными изречениями кондитерской премудрости двадцатых годов? Выкинуть; но их-то и нашлось под другую тысячу, да столько же сомнительных, с коими не знаешь, как и быть, чтобы не обвинили в произволе. Посему-то, по затруднительности такой браковки, а частию и просмотром, — всякого греха не упасешься — и в этот сборник вошло много пустых, искаженных и сомнительных пословиц.

Относительно приличия при браковке пословиц я держался правила: все, что можно читать вслух в обществе не извращенном чопорностию, ни излишнею догадливостию, а потому и обидчивостию — все это принимать в свой сборник. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно где и встретилось в народных поговорках, не должно пугать нас: мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все, что есть. Заметим, впрочем, что резкость или яркость и прямота выражений, в образах для нас непривычных, не всегда заключают в себе видимое нами в этом неприличие. Если мужик скажет: «Что

тому богу молиться, который не милует»; или: «Просил святого: пришло до слова просить клятого», — то в этом нет кощунства, потому что здесь *богами* и *святыми*, для усиления понятия, названы люди, поставленные ради святой, божеской правды, но творящие противное, заставляя обиженного и угнетенного искать защиты также путем неправды и подкупа. Самая пословица, поражая нас сближением таких противоположностей, олицетворяет только крайность и невыносимость извращенного состояния, породившего подобное изречение.

Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадают слабые, искаленные отголоски их, переложенные на наши нравы или исполенные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в *хорошем* обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплеку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намек весь выходит наружу.

Как достояние общенародное, как всемирный гражданин, просвещение и образованность проходят путь свой на глаз, с уровнем в руках, срывая кочки и бугры, заравнивая ямки и выбоины, и приводят все под одно полотно. У нас же, более чем где-нибудь, просвещение — такое, какое есть, — сделалось гонителем всего родного и народного. Как, в недавнее время еще, первым признаком притязания на просвещение было бритье бороды, так вообще избегалась и прямая русская речь и все, что к ней относится. Со времен Ломоносова, с первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодке, продолжают труд этот с насилием и все более удаляются от истинного духа языка. Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошел, что мы кружим и плуаем, сбившись с пути, и зайдем неведомо ку-

да. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой — бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. С одну сторону черемиса, а с другую берегися. Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды — для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступается от того, что безотчетно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека — это дар божий, откровение: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек замумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общезитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти.

Нисходя к просторечию, позволяя себе иногда высказаться пословицей, мы говорим: «Десять раз примерь, один раз отрежь». Мы не придумали этого изречения, а, взяв его в народе, только немного исказили; народ говорит правильнее и краше: «Десятью примерь или прикинь, одна́ отрежь». В Питере и табличку умножения учат: два раза *три, пять раз шесть*; в школах наших твердят: *дважды три*, а народ гово-

рит: *двою трою или два на пять, три на шесть* и пр. Поучение: нерассудительный, опрометчивый труд часто бывает бесполезен — никогда не выскажется у нас под пером пословицей: «Крой, да песни пой; станешь шить, наплачешься»; или: «Шей да пори, не будет глухой поры». Можно ли складнее, ярче и короче выразить глубокую мысль, чем в пословице: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь»; эта пословица наша досталась, не знаю каким путем, французу Larochevoucauld; в ловком переводе она пошла у него за свою и приводится в пример его ума и красноречия: «Le soleil ni la mort ne peuvent se regarder fixement» (*Maximes*).

Мы, в своем быту, придумываем только пословицы вроде таких: «Козырка не портит; не с чего ходить, так с бубен; нечем бить, так кулаком»; да иногда переводим: «Лебединую песню спеть; между ними черная кошка пробежала; и в солнце есть пятна; пятое колесо; в углу палка стоит, оттого на дворе дождь» и пр. Нравятся ли вам эти поговорки и эти переводы?

Но мы не только сами не сочиним ни одной замечательной пословицы, а мы даже, как оказывается, плоховато понимаем готовые. Это не раз ставило меня в тупик. Насколько нужно и должно объяснять и толковать пословицы? Непонятная, недоступная слушателю пословица — это соль, которая обуюла и не солит; куда ее девать? А толковать остроту или намек, который читатель и сам понимает, — пошло и приторно; толкования эти и места много займут, а книга выходит объемиста, тесно и без них. Многие объяснения потребовали бы и ученых справок, а на это нужно и знание, и источники, и время, — словом, это отдельный и немаловажный труд. Самые читатели, как бы мало их ни нашлось, также не одинаковы, у всякого могут быть свои требования — не солнце, на всех не угрешь.

Я ставил, и то уже во время sprawy печати, самое короткое толкование, указание, где мог полагать, что это нужно для *многих*. Недавно еще мы видели тому примеры, как странно и превратно иногда понимаются и толкуются, даже осуждаются, наши пословицы: «От навалу люди разживаются» растолковано было «от насильственной навязки кому то-

вара»; а «Не выноси сору из избы» — объявлена бессмыслицею, потому что нельзя же, хоть изредка, не выметать сору, и хороша-де будет изба, коли из нее никогда сору не выносить. Но *навал* понимается здесь в значении навала покупателей, а не товара; коли толпа, народ валит валом — разживаются от бойкого сбыту, почему и бойкое, торное место купцу дорого, а насиженное на бою, куда заборщики валят по привычке, вдвое дороже. *Не выноси сору*, как и всякая иная неискаженная пословица, в которой заключается притча, пряма и права, в прямом и переносном смысле: дело право, только гляди прямо. В переносном: не носи домашних счетов в люди, не сплетничай, не баламуть; семейные дрязги разберутся дома, коли не под одним тулупом, так под одной крышей. В прямом: у крестьян сор никогда не выносятся и не выметается на улицу: это, через полуаршинные пороги, хлопотно, да притом сор стало бы разносить ветром и недобрый человек мог бы по сору, как по следу, или *по следку*, наслать порчу. Сор сметается в кучку, под лавку, в печной или стряпной угол; а когда затапливают печь, то его сжигают. Когда свадебные гости, испытывая терпение невесты, заставляют ее мести избу и сорят вслед за нею, а она все опять подметает, то они приговаривают: «Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку да клади в печь, чтоб дымом вынесло».

«Нужда научит калачи есть», как притча, истолкована была верно: нужда заставит работать, промышлять. «Голь мудрена, нужда на выдумки торовата» — она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведет до того, что будет и пшеничный. Но есть тут и прямой смысл: нужда домашняя заставит идти на заработки. «Промеж сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне»; куда? Первое дело на Волгу, в бурлаки; это и поныне еще статья, а до пароходства это был коренной, и притом разгульный, промысел десяти губерний; на Волге же, миновав Самару, приходишь на калач (булка, пирог, калач, пшеничный хлеб). Верховым бурлакам это в диковину, и они-то, отцы и деды нынешних, сложили эту пословицу.

По затейливости и обороту речи на эту походит и другая: «Ешь пироги, а хлеб вперед береги»; казалось бы, надо ска-

зять: «Ешь хлеб, а пироги вперед береги»; но пословица выражает иное: живи привольно, коли можется, ешь и пироги, да с расчетом: ешь их так, чтобы хлеба не заесть. «Брюхо — злодей, старого добра не помнит»; «Веди денежку про белый (каждый) день, денежку про красный день (праздник) да денежку про черный день (про запас, на беду)».

«Неволя вниз идет, кабала вверх»; тут речь все о той же матушке Волге и о бурлачестве, с которым связана кабала, потому то задатки взяты вперед, усиланы домой в оброк, а остатки пропиты. *Неволя*, то есть *нужда*, идет вниз, по воде, искать работы; вверх, против воды, идет, или тянет лямкою, кабала. В прямом смысле: холоп или раб (*неволя*) ждет лучшего, потому что худшего ему нет, ждет милости и доверия за верную службу свою: это у него *впереди*; *кабальный* же все более путается, долгает, наедает и набирает на себя новую кабалу, срок за сроком; кабала подымается, все усиливается и в старину нередко также кончалась холопством.

Но из этих немногих примеров видно, что такие объяснения, если бы собирателя и достало на них, потребовали бы нескольких годов времени и еще ста листов печати.

Заметим, однако, при сем случае, что толковать и объяснять пословицы надо крайне осмотрительно, чтобы не обратить этого дела в свою игрушку. Особенно опасно искать ученым взглядом того, чего бы найти хотелось. Применение пословиц к событиям, даже к личностям, по тезоименитству, к древним обычаям, к сомнительному баснословию идолопоклонства и пр. оказывается, во многих случаях, натяжкою воображения. Думаю, например, что относить поговорки: «Лиса Патрикеевна», «Патрикей сам третей» — к литовскому князю Патрикию, а «Едет Ананьин внук из Великих Лук» — к новгородскому посаднику Ананью — ни на чем не основанный произвол; думаю даже, что «Враг силен, валяет и в синем» не касается синей молнии и перуна, а просто намекает на синий кафтан как на признак достатка, богатства; лукавый-де расставляет сети свои на всякого, попадает и синь кафтан. «Обреченная скотина — не животина» также едва ли говорится у нас со времен идольских и не относится до обречения ее на жертву богам, чему в народе нигде не оста-

лось памяти; *обреченная скотина* та, которая судьбою обречена на смерть, не живучая, не долговечная; это обычное утешение и беззаботности, и упрямства, и беспомощности в беде; захилела скотина — покинь ее на волю божью; коли ей жить, то будет жива, а коли *обречена*, то она не *животина*, не живот, не добро, не имущество тебе. Стараясь объяснять темные пословицы и применять их к тому быту, который на сей раз у нас перед глазами, мы иногда далеко сгибаем и мудрим, где ларчик открывается просто, без потайки. К этому надо прибавить, что у великорусов, противно малорусам, бытописательной памяти нет; у них все ограничено насущным и духовным; старина остается в памяти и передается, поколику она касается житейского быта; с этого, для русского, прямой переход к мыслям и беседам о вечности, о боге и небесах, всем прочим он, без стороннего влияния, не займется, разве только по особому поводу.

Итак, признавая пословицу и поговорку за ходячую монету, очевидно, что надо идти по ним туда, где они ходят; и этого убеждения я держался в течение десятков лет, записывая все, что удавалось перехватить на лету в устной беседе. Что собрано было наперед меня, из того же источника, то я старался включить, но маловато рылся в книгах и, вероятно, много опустил. Так, например, я даже не справлялся с небольшим, но весьма добросовестно обработанным сборником Буслаева (Архив Калачева, 1854 г.), который впервые увидел в Москве в апреле 1860 года, когда уже половина моего сборника была напечатана. Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники и, для полноты, перешли и в мой. Есть у меня и переводные — что замечено было в виде упрёка, — но я их не переводил, а принял, потому что они говорятя; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в

этом виде; есть речения из Св. писания, и они даже большею частию переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся; есть пошлые, суеверные, кощунные, лжемудрые, изуверные, вздорные, но я их не сочинял; моя задача была: собрать в возможной полноте все то, что есть и каково оно есть, как запас, для дальнейшей разработки и для каких кому угодно выводов и заключений. Скажут: тут много лишнего хламу; правда, но того, что выкинуто, никто не видит, а где мерило на эту браковку и как поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Из просторного убавить можно; набрать из сборника цветник, по своему вкусу, немудрено; а что пропустишь, то воротить труднее. Окоротишь — не воротишь. Притом у меня в виду был язык; один оборот речи, одно слово, с первого взгляда не всякому заметное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку.

Укор самый обычный, и притом самый легкий, бывает тот, что-де пословица эта неверно записана, она говорится не так, а этак. Бесспорно, есть случаи, где такое замечание право и заслуживает спасибо; но ведь каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу; надо ж было выбрать один, два, много три разноречия, а всех не соберешь, да и надоешь ими до скуки.

Где только я мог верно добраться до коренного оборота и указать на искажения, там я это делал, хотя в самых кратких заметках. Вот примеры: «Не до обедни, коли много бредни»; здесь бредни попало по недоразумению, вместо обрядни, слова северного, которое произносится там: обредни, и значит: бабий обиход в доме, стряпня, хозяйство у печи; это видно из дружки этой пословицы: «Либо к обедне ходить, либо обрядню водить». Другая: «Нам не гоже, вот тебе боже»; эта, по-видимому, подтверждается другою: «Что дьякону не мило, то попу в кадило»; но первая вышла с юга, она малорусская, не понята у нас и потому искажена: «Нам не гоже, от тоби небоже», вот тебе небога, небоже; у этого слова много значений: бедняк, убогий, нищий, калека, юродивый, несчастный, о ком соболезнуют, близкий, родич, племяш; эта пословица отвечает нашей: «Удобрилась мачеха до пасынка:

велела в заговенье все щи выхлебать». Пословица: «Не у детей или не при детях, не на детях, и сидни в честь» говорится различно и переиначивается от непонятия: кому бог детей не дал или у кого они мрут младенцами (у кого дети не стоят), тот рад бы и сидню, и безногому, калеке; на безлюдье и сидни в честь: ведь и Илья Муромец был сидень. Не поняв этого и отнеся честь, почет к слову дети, чем пословицу и лишили смысла, поправили дело, обратив сидни в седни, в старца с сединою, и сделав из этого: «Не у детей и седни в чести», то есть взрослый, разумный человек уважает стариков.

Таким образом, одно слово нередко придает пословице иной смысл, и если вы слышали ее на один лад, а я на другой, то из этого еще не следует, что вы ее слышали правее, а и того менее, чтобы я сам ее переделал. Возьмем пример такого рода, где не только мы с вами, но и еще двое собеседников говорят одну и ту же пословицу, каждый на свой лад, и все четверо будут правы: «Старую собаку не волком звать» — за то, что она устарела, не годна более, не считать ее за волка, не обходиться, как с врагом; «Попову собаку не волком звать» — как ни надоел поп жадностию и прижимками своими, да не глядеть же на собаку его, как на волка, она ни в чем не виновата; «Старую собаку не батькой звать», не отцом — ответ на требование уважать старика не по заслугам; стар пес, да не отцом же его за это почитать; «Попову собаку не батькой звать» — ответ на требование уважения к людям случайным; что ни толкуй об уважении к батьке, к попу, да пес его не батька; в этом виде пословица часто применяется к любимцам барским, из дворни. Таких примеров можно бы привести много: которое из четырех разноречий этих ни выбрать, все можно сказать: нет, она не так говорится!

Замечу здесь, что старинные списки и сборники пословиц далеко не всегда могут служить образцами и несколько не доказывают, чтобы пословица была в ходу от слова до слова, как она написана. Старички мудровали в этом деле не хуже нашего, желая поправить пословицу, придать ей письменный вид и, как само собою разумеется, впадали через это в пошлость. Примеров этому очень много. В Погодинск. сборн. 1714 года читаем мы: «Будучи на чужой стороне, на-

добно голову уклонну, а сердце покорно иметь». Не очевидно ли тут умничанье и переделка? Поныне говорится: «Держи голову уклонну (или поклонну), а сердце покорно»; если применить это к чужбине, то можно начать словами: на чужбине, на чужой стороне, не изменяя затем ни слова; здесь же все остальное прибавлено записчиком, особенно слова: *будучи, надобно, иметь*.

В Архивном сборн. XVII века: «Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ невольге», или, как поправлено у Снегирева: «невдалече»; неужели это пословица, поговорка или что-нибудь на то похожее? В Архивном же: «Денег нет, на полати преть»; эта и поныне в ходу и говорится о пьянице, который сидит смирно дома, даже прячется, коли пить не на что; но вместо *преть* надо читать *прет*: «Как денег нет, так на полати прет», то есть лезет и лежит смирно. Там же пословица: «У старого душа не вынута, а у молодого не запечатана» — переиначена не к лучшему: «До смерти, у живых, у старых, душа не вынута, а у молодых не запечатана».

В Погодинском 1770 г.: «Ково седина украшает, тово больше бес уловляет»; неужто это могло быть ходячею пословицей? Это сочинение собирателя, на образец: «Седина в бороду, а бес в ребро».

В сборн. Янькова 1744 г.: «Кумища, сватища — простишься, хватишься»; это уже ни на что не похоже; пусть бы кто понял эту чепуху, в которой из четырех слов нет ни одного верного, а потому и нет никакого смысла. Очевидно, это искажение пословицы, живущей и донныне в народе: «Кумишься, сватаешься — проспишься, спохватишься». Таких примеров можно бы набрать очень много; привожу их в доказательство, что во все времена бывали бестолковые переписчики и даже собиратели, которые умничали, и что, ссылаясь на старинные рукописи, не всегда можно исправлять новых собирателей.

Сборнику моему суждено было пройти много мытарств, задолго до печати (в 1853 г.), и притом без малейшего искаательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно. Но люди, и притом люди ученые по

званию, признав издание сборника *вредным*, даже *опасным*, сочли долгом выставить и другие недостатки его, между прочим, такими словами: «Замечая и подслушивая говоры (?) народные, г. Даль, видно, не скоро их записывал, а вносил после, как мог припомнить; оттого у него редкая (?) пословица так записана, как она говорится в народе. Большая часть (?) их замечены так, как следующие: у него написано: *Эту беду я бобами разведу*, а пословица гласит так: *Чужую беду бобами разведу, а к своей ума не приберу*».

Но у меня были обе пословицы, только каждая на своем месте, потому что смысл их не один и тот же; да вместо *приберу* у меня написано *приложу*, что я и поныне считаю верным. *Эту беду я бобами* или *на бобах разведу*; беда не велика, влезет в ворота, отворожиться или отделаться можно. *«Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу»* — совсем другое; это значит: чужое горе с хлебом сьем, чужая болячка в боку не киснет, а своя болячка велик желвак и пр.

Далее: «У него написано: *Суди бог волю свою*, а пословица гласит: *Твори бог волю свою*». Что последняя говорится, в этом нет спору, и если ее у меня не было, то можно было указать на пропуск; но первая также говорится. *«Суди бог волю свою»* — значит, что более судить ее некому, не нам ее пересуживать, а должно ей без ропота покориться; или приняв *судить*, по старинному значению, за *присуждать*, творить суд, — *суди бог волю свою* значит: твори, присуждай по воле своей.

Всего, в доказательство, что *редкая* пословица у меня верно записана и что *большая часть их* замечены ошибочно, праведные судьи мои приводят три примера, то есть по одному на каждые десять тысяч, и третий самый замечательный: «Та же неверность и в сборе (?) прибауток и пустоговорок; приведу в пример одну: у него написано: *Не для чего, чего иного, как прочего такого*, эта пустоговорка в народе выражается (почему же не *гласит*?) так: *Не для чего иного, как лишь для прочего такого; а если лучше чего, так больше ничего; вот только и всего*».

Да, кажется, что только и всего...

Как бы то ни было, но независимо от такой неверности в пословицах моих, доказанной тремя приведенными здесь

примерами, нашли, что сборник этот и *небезопасен*, посягая на *развращение нравов*. Для большей вразумительности этой истины и для охранения нравов от угрожающего им развращения придумана и написана была, в отчете, новая русская пословица, не совсем складная, но зато ясная по цели: «Это куль муки и *щепоть мышьяку*» — так сказано было в приговоре о сборнике этом, и к сему еще прибавлено: «Домогаясь напечатать памятники народных глупостей, г. Даль домогается дать им печатный авторитет»... к опасным же для нравственности и набожности народной местам отнесены, между прочим, следующие изречения: «Благословясь, не грех; середя да пятница хозяину в доме не указчица» и пр.

Упомянуть ли еще после этого, что рука об руку с сочинителями пословицы о мышьяке шло и заключение ценителя присяжного, к которому сборник мой попал также без моего участия, и что там находили непозволительным сближение сподряд пословиц или поговорок: «У него руки долги (власти много)» и «У него руки длинны (он вор)»? И тут, как там, требовали *поправок* и *изменений* в пословицах, да сверх того исключений, которые «могут составить более четверти рукописи»...

Я ответил в то время: «Не знаю, в какой мере сборник мой мог бы быть вреден или опасен для других, но убеждаюсь, что он мог бы сделаться небезопасным для меня. Если же, впрочем, он мог побудить столь почтенное лицо, члена высшего ученого братства, к сочинению уголовной пословицы, то очевидно развращает нравы; остается положить его на костер и сжечь; я же прошу позабыть, что сборник был представлен, тем более, что это сделано не мною».

Ради правды я обязан сказать, что мнение противоположное всему этому было высказано в то время просвещенным сановником, заведывавшим Публичною библиотекою.

Высказываю все это не как жалобу и обличение, а, во-первых, как оправдание, почему я не издал пословиц ранее нынешнего, во-вторых, для объяснения современного нам быта. Не поглядевшись в зеркало, сам себя в лицо не знаешь. Притом, мне кажется, где речь идет о данных для будущей ис-

тории нашего просвещения, там всякий обязан говорить то, на что у него есть в руках доказательства.

В сборник этот вошли, кроме пословиц, пословичные изречения, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений, коим не сумею дать общей клички, даже простые обороты речи, условно вошедшие в употребление.

Об этом ученые ценители рукописи, успешно настоявшие на том, чтобы она осталась еще на восемь лет под спудом, были такого мнения: «Очень жаль, что все это совокуплено в одну книгу: через это он (собиратель) смешал назидание с развращением, веру со лжеверием и безверием, мудрость с глупостью и таким образом свой сборник много уронил... Очевидно, что и честь издателя, и польза читателей, и самое благоразумие требовали бы два толстых фолианта разбить на несколько книг и в них отдельно напечатать: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы и пр.». Доводы эти меня не убедили, всего же менее понимаю, каким образом опасность отравы уменьшилась бы таким раздроблением целого на части; разве приучением к яду исподволь? В этом сборнике, который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе; что худо, того бегай, что добро, тому следуй; но не прячь, не скрывай ни добра, ни худа, а покажи, что есть.

Но, назвав пословицу, поговорку, присловье и пр., я таки пришел в тот тупик, из которого не вылезть, не объяснив, что именно я под этими названиями разумею или как понимает их народ.

П о с л о в и ц а — коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но «одна речь не пословица»: как всякая притча, полная пословица состоит из

двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. Вот примеры полных пословиц: «Во времени пождать, у бога есть что подать»; «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла»; «Лазил черт за облаками, да оборвался»; «Нет в тебе, так не ищи на селе» и пр.

При таком понятии о пословице мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье. Сборник же пословиц — свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый. «Что не болит, то и не плачет»; что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось, добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословице. А чтобы распознать это и дойти до верных посему заключений о быте народном, нужен не цветник пословиц, не выборка того, что нам нравно, а полный сборник, хотя бы целая *четверть* его, как помянуто выше, и не приходилась по нашему вкусу. «Вкрасне и всяк нас полюбит, а полюби-ка черне».

«От пословицы нет взносу», «ее обжаловать нельзя», приговор ее неотразим; все крайности сходятся, и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нет»; «От пословицы не уйдешь»; «Пословица ведется, как изба веником метется»; «И на твою честь пословица есть»; «И на нашу спесь пословица есть»; но «Пень не околица, а глупая речь не пословица», да и «Не всякая пословица при всяком молвится»: «Иная пословица не для Ивана Петровича». Кто ее сочинил — не ведомо никому; но все ее знают и ей покоряются. Это сочинение и достояние общее, как и самая радость и горе, как выстрадавшая целым поколением опытная мудрость, высказавшаяся таким приговором. Сочиненная же тогда только

становится пословицей, когда пошла в ход, принята и усвоена всеми.

Деление пословиц на *древние* и *новые*, на *общие* и *частные*, *общие ж* и *местные*, на *исторические*, *политические*, *юридические* и пр. применимо только к небольшому числу, на выбор, да и может быть толково только при особой цели разработки. Но и тут не обережешься натяжки, все народные пословицы сложились в быту житейском, и применение их крайне разнообразно. Делить на разряды можно их по смыслу иносказания, о чем более поговорим ниже.

Пословичным изречением назовем такое, которое вошло, в виде пословицы, в беседу нашу, хотя и не включает в себе никакой притчи, иносказания, обиняка; например, два изречения, о коих у нас была речь: *Твори бог волю свою* и *Суди бог волю свою*: это не пословицы и не поговорки, а пословичные речи, изречения. Верной и резкой границы и здесь протянуть нельзя; в строгом же смысле в разряд этот перешло бы весьма много пословиц.

Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка; и это верно. Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: *он пьян*; а скажет: «У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половице не пройдет, он мыслете пишет» и пр. Вместо *он глуп* она говорит: «У него не все дома, одной клепки нет, он на цвету прибит, трех не перечтет; под носом взошло, а в голове и не посеяно» и пр. Замест *ровни*, *дружки* говорит она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, например, общее понятие одиночества, поговорка различает состояние это, по всем его отношениям: «Один, как верста в поле; один, как макков цвет; один, как золот перстень; один, как перст; один, как порох в глазу; один, как бухалень (как выпь на болоте), как медведь в берлоге» и пр. Посему поговорка иногда весьма

близка к пословице: стоит прибавить лишь одно словечко или сделать перестановку, и из поговорки вышла пословица. «Он сваливает с больной головы на здоровую», «Он чужими руками жар загребает» — поговорки; та и другая говорит только, что это самотник, который заботится о себе, не щадя других. Но скажите: «Чужими руками жар загребать легко»; «Сваливать с больной головы на здоровую не накладно»; «Одного сукна епанча не рознится»; «Одной руки пальцы, и кость одна» и пр., и все это будут пословицы, заключая в себе полную притчу.

Приговорка или пустоговорка, которую также иногда зовут поговоркой — это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке: *говорит, взял, взявши; оченно хорошо это самое дело; тово-воно каконо*. В сказках таких условных приговорок много: «Скоро сказка сказуется, не скоро дело делается»; «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли»; «За тридевять земель, в тридесятом государстве» и пр. Как простые, так и сказочные пустоговорки иногда обращаются в пословицу, заключая в себе условный смысл; например: «Я бы и тово, да, вишь, жена-то не тово; ну, уж и я растово»; о пустом, грозном начальнике: «Проскакал выше лесу стоячего, ниже облака ходячего»; о строгости и непотачке кому: «Он тише воды, ниже травы стал» и пр. С другого конца, переходя в набор складных слов, приговорки сливаются с прибаутками.

Присловье весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, коей жителей дразнят, бранят или чествуют приложенным к ним присловьем. Оно иногда состоит в одном только слове: «Рязанцы синебрюхие»; «Ярославцы белотельцы»; «Вятичи слепороды»; иногда же в целом изречении, прибаутке, прибаутке: «Пенжане свою ворону в Москве узнали»; «Ты чей, молодец? — Зубчевский купеч. — А где был? — В Москве, по миру ходил». Последнее присловье уже весьма близко к пословице, а другим придано и вовсе пословичное значение: «Чухломский рукосуй: рукавицы за поясом, а других ищет». Присловье: «Бежечане и колокольную рожком подбили», встряхивая об нее мимохо-